

Ян Данилов

Глас Пустоземья: Горный Предел

<https://litres.ru/74324233>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели Матери Ведьм от руки Зары все колены округа объединяются, чтобы отомстить. Три Старшие сестры — Корга, Мора и Вельта — скрепляют союз кровной клятвой, и целая армия тёмных служительниц выступает в поход. Их цель — не просто убить дочь Гласа, но и уничтожить всё, что ей дорого: семью, деревню, память.

Чтобы уберечь родных, Зара принимает решение увести ведьм за собой. Она уходит в Зубчатые горы — суровый, дикий край, где обитают древние духи камня и льда, где не действуют привычные законы и где сама земля способна как убить, так и даровать неожиданное спасение. За её спиной остаются отец, мать и мирная жизнь; впереди — бесконечная череда скал, снежные бури, преследователи, не знающие пощады, и последнее поле битвы, о котором шепчут легенды, — Плато Бурь.

Содержание

Книга четвертая «Глас Пустоземья: Горный Предел».Глава 1	4
Глава 2	11
Глава	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	59
Г	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ян Данилов

Глас Пустоземья:

Горный Предел

Книга четвертая «Глас Пустоземья: Горный Предел».Глава 1

Ветер уносил пепел. Зара стояла над останками Матери Ведьм и смотрела, как серая пыль, ещё минуту назад бывшая древним, могущественным существом, кружится в воздухе и тает в сумерках. Алтарный камень под её ногами был холодным, и холод этот проникал сквозь подошвы сапог, поднимался по ногам, добирался до самого сердца. Она не двигалась. Она не могла двинуться. Посох отца, всё ещё зажатый в правой руке, дрожал — или это её рука дрожала, она уже не различала.

Ведьмы, оставшиеся без предводительницы, стояли полукругом. Их было около дюжины — тёмные плащи, глубокие капюшоны, бледные лица, на которых застыло выражение, среднее между ужасом и ненавистью. Никто не нападал. Никто не произносил ни слова. Они просто смотрели — на

Зару, на груди праха, на расколотый посох Матери, — и в их молчании было что-то более страшное, чем любой крик. Это было молчание перед бурей. Молчание, в котором зреет месть.

Зара перевела дыхание. Грудь болела — то ли от напряжения, то ли от той силы, которую она только что пропустила через себя. Свет, хлынувший из посоха, был не её светом. Он пришёл откуда-то глубже — из тех слоёв её существа, которые она сама ещё не до конца понимала. Пламя Истины, уголёк которого она хранила в поясной сумке, погасло, истратив себя до конца. Невидимые, призванные ею, отступали обратно в лес, и она чувствовала, как их присутствие тает, оставляя после себя только тишину и запах сырой земли.

Она опустила посох. Сделала шаг назад, потом другой. Ведьмы не двигались. Она повернулась и пошла прочь, чувствуя спиной их взгляды. Каждый шаг давался с трудом, но она заставляла себя идти ровно, не спотыкаться, не показывать слабости. Только когда капище скрылось за деревьями, она позволила себе остановиться, привалиться плечом к шершавому стволу старой сосны и закрыть глаза.

«Я сделала это. Я убила её».

Мысль была чужой, холодной, как камень. Она повторяла её снова и снова, пытаясь осознать, но осознание не приходило. Вместо него приходила усталость — глубокая, всепоглощающая, какая бывает после долгой болезни. Ей хотелось сесть прямо здесь, на мокрую землю, и не вставать. Хотелось

забыть всё, что случилось за последние часы. Хотелось вернуться домой, к матери и отцу, и просто быть дочерью. Не шаманкой, не целительницей, не убийцей. Просто Зарой.

Но она знала: это невозможно. Война только начиналась.

За спиной, в глубине Лисьего оврага, послышался шум. Не шаги — голоса. Низкие, злые, полные ярости. Ведьмы приходили в себя. Зара не могла разобрать слов, но смысл угадывался безошибочно. Они клялись отомстить. Они выкрикивали её имя. Они призывали каких-то древних сил, которых она не знала. И среди всех этих голосов выделялся один — старческий, скрипучий, но полный такой властности, что даже на расстоянии у Зары мурашки побежали по коже.

«Это ещё не конец, дочь Гласа. Ты заплатишь. Ты заплатишь за всё».

Зара оттолкнулась от сосны и зашагала дальше. Она не знала, кто это сказал. Может быть, одна из старших сестёр. А может быть, и сама Мать Ведьм, чей голос ещё не угас окончательно. Но она знала одно: угроза реальна. И если она останется здесь, если вернётся в Белые Камни, ведьмы придут за ней. И тогда пострадают те, кто ей дорог.

Лес вокруг был тёмным и молчаливым. Ночь ещё не вступила в свои права, но под кронами вековых елей уже сгустился полумрак. Зара шла, не разбирая дороги, доверяя своему чутью — тому самому, которое развила за двенадцать лет обучения. Она чувствовала присутствие Невидимых — они

были здесь, рядом, но не вмешивались, просто наблюдали. Она чувствовала, как ветер, её старый друг, дует с севера, принося запах далёких гор и холод. И она чувствовала другое — чужое, враждебное внимание. За ней следили. Не люди — духи. Те самые подхалимные духи-шпионы, что служили ведьмам. Они прятались в тенях, шуршали в подлеске, переглядывались между собой. Зара не видела их, но знала, что они здесь.

«Пусть следят, — подумала она. — Пусть докладывают. Это ничего не изменит. Я должна дойти до дома. Предупредить отца. А потом... потом я решу, что делать».

До Белых Камней было два дня пути. Два дня через лес, через ручьи, через холмы. Два дня, в течение которых она будет одна — с посохом, с остатками магии, с раной, которая ещё не зажила. Рана была не на теле — та, первая, от когтей Нарака, давно превратилась в шрам. Эта рана была внутри. Она знала, что убийство Матери Ведьм изменило её. Не сделало злой — нет. Но что-то в ней надломилось. Что-то, что раньше было цельным.

«Ты должна была, — сказала она себе. — Ты должна была. Если бы не ты, она убила бы других. Она убила бы отца. Мать. Лёньку. Всех, кого ты любишь. Ты поступила правильно».

Правильно. Это слово казалось пустым. Она вспомнила урок Солнечного Странника — тот самый, на Лысой горе, когда он показал ей видения прошлого и будущего. «Каждое

действие имеет последствия», — говорил он. Она тогда поняла это умом. Теперь поняла сердцем. Её действие спасло жизни — но оно же разожгло пожар мести. И этот пожар теперь будет полыхать, пока не поглотит либо её, либо всех, кто объявил на неё охоту.

Она шла до темноты. Когда ночь окончательно опустилась на лес, она нашла укрытие — старую, замшелую ель, чьи нижние ветви опускались до самой земли, образуя что-то вроде шатра. Внутри было сухо и относительно тепло. Зара заползла под ветви, прислонилась спиной к стволу и закрыла глаза. Спать не хотелось — адреналин всё ещё бурлил в крови, — но она заставила себя расслабиться. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Она вспомнила, как отец учил её этому много лет назад, когда она только начинала свои уроки. «Дыхание — это якорь, — говорил он. — Когда мысли скачут, когда страх душит, когда мир рушится — дыши. Медленно. Глубоко. И ты вернёшься в себя».

Она дышала. И постепенно, очень постепенно, мысли начали успокаиваться. Она перестала прокручивать в голове сцену у капища — вспышку света, крик Матери Ведьм, рассыпающееся тело. Перестала думать о том, что скажет отец, когда узнает. Перестала гадать, что предпримут ведьмы. Вместо этого она стала слушать. Лес вокруг неё жил своей ночной жизнью. Где-то ухал филин. Где-то далеко, у ручья, шелестели камыши. Ветер, её старый друг, тихо нащёптывал что-то в кронах. И в этом шёпоте она разобрала слова.

«Не бойся. Ты не одна».

Зара улыбнулась — впервые за этот день. Ветер был с ней. Невидимые были с ней. Где-то там, далеко, отец и мать ждали её. Ради них она выдержит всё.

Утро наступило серое и холодное. С неба моросил мелкий, противный дождь, и лес утонул в тумане. Зара выбралась из своего укрытия, размяла затёкшие плечи и зашагала дальше. До Белых Камней оставалось меньше дня пути, если идти быстро. Но она не могла идти быстро: ноги налились свинцом, а в боку при каждом шаге кололо. Последствия вчерашней битвы давали о себе знать. Она использовала слишком много силы. Ей нужно было восстановиться — поест, поспать, может быть, принять какие-то травы из тех, что мать всегда клала ей в котомку. Но времени не было. Ведьмы не будут ждать.

Она шла через лес, и лес был другим. Она знала его с детства — каждую тропинку, каждый ручей, каждое дерево. Но сегодня он казался ей чужим. Настороженным. Словно сама земля чувствовала приближение беды. Птицы молчали. Звери попрятались. Даже Невидимые, которые обычно сопровождали её повсюду, держались на расстоянии — не потому, что боялись, а потому, что не хотели мешать. Или потому, что ждали чего-то.

К полудню Зара вышла к Чёрному ручью — тому самому, на берегу которого стояла Старая Кузня. Она остановилась, чтобы напиться, и увидела своё отражение в тёмной воде. Из

воды на неё смотрела чужая женщина. Бледная, с запавшими глазами, со спутанными волосами, в которых запутались сухие листья. На щеке — царапина, которой она вчера не заметила. На плаще — пятна крови, не её, а той, что была Матерью Ведьм. Зара долго смотрела на своё отражение, и вдруг поняла: она больше не девочка. Не ученица. Не дочь, нуждающаяся в защите. Она — воин. И сейчас она идёт на войну.

Она умылась, перевязала волосы, поправила амулеты на груди. Потом взяла посох и зашагала дальше.

Когда впереди показались первые дома Белых Камней, сердце её сжалось. Она не знала, что скажет отцу. Она не знала, как посмотрит матери в глаза. Но она знала одно: она должна предупредить их. Должна рассказать всё, что случилось. А потом — уйти.

Глава 2

Зара вошла в Белые Камни на закате. Солнце уже коснулось верхушек сосен, и длинные тени протянулись через всю деревню, когда она миновала околицу. У колодца стояла Марья с ведром; увидев Зару, она замерла, приоткрыла рот, но ничего не сказала — только перекрестилась и поспешила прочь. Зара проводила её взглядом и пошла дальше, к отчёму дому.

Отец сидел на крыльце. Увидев её, он не встал, не бросился навстречу — только выпрямился и положил руки на колени. Его лицо, изрезанное морщинами и старыми шрамами, было спокойным, но Зара знала это спокойствие — за ним скрывалась тревога.

— Ты вернулась, — произнёс он, когда она подошла ближе. — Я чувствовал: что-то случилось. Ветер переменился.

— Я убила Мать Ведьм, — сказала Зара, останавливаясь у крыльца. Она не стала смягчать слова. Отец не нуждался в смягчениях. — Она собрала ковен в Лисьем овраге. Предложила мне место среди них. Я отказалась. Она напала. Я защищалась.

Кнат выслушал молча. Его глаза, всё ещё сохранявшие остатки былой зоркости, смотрели на неё в упор. Он не спросил «почему», не спросил «как». Он спросил другое:

— Ты ранена?

— Нет. Устала. Потратила много сил. Но не ранена.

Он кивнул и поднялся. Взял у неё посох — свой старый посох, который отдал ей много недель назад, — прислонил к стене. Потом положил руку ей на плечо. Жест был скупым, но Заре этого хватило.

— Иди в дом, — сказал он. — Мать ждёт. Потом расскажешь всё.

Менура встретила её на пороге. Она ничего не спросила — просто обняла, прижала к себе и держала долго-долго, пока Зара не почувствовала, как напряжение последних дней начинает понемногу отпускать. Потом мать отстранилась, оглядела её с ног до головы, задержала взгляд на пятнах крови на плаще.

— Это не моя, — сказала Зара.

— Знаю, — ответила Менура. — Садись. Ешь. Всё остальное — потом.

Зара села за стол. Мать поставила перед ней миску горячей похлёбки, отрезала ломоть хлеба, налила кружку травяного отвара. Зара ела молча, механически, не чувствуя вкуса. Отец сидел напротив и ждал. Когда она отодвинула пустую миску, он произнёс только одно слово:

— Рассказывай.

И она рассказала. О вороне с пергаментом, о капище Чёрной Луны, о Матери Ведьм и её предложении, о битве, о свете, который хлынул из посоха, о том, как древняя старуха рассыпалась прахом на алтарном камне. Она говорила ров-

но, без эмоций, как привыкла за годы обучения — просто перечисляла факты. Но когда дошла до того, что случилось после — до голосов ведьм в овраге, до их клятв отомстить, — голос её всё же дрогнул.

— Они не останятся, — закончила она. — Я слышала их. Они собираются объединиться. Все ковены. Впервые за много лет. И они придут сюда.

Кнат переглянулся с Менурой. В их взгляде не было страха — только мрачная решимость людей, которые пережили слишком много, чтобы бояться.

— Ты правильно сделала, что вернулась, — сказал Кнат. — И правильно сделала, что отказалась. Но теперь нам нужно думать, что делать дальше.

— Я не хочу подвергать деревню опасности, — сказала Зара. — Я могу уйти. Увести их за собой.

— Куда?

— В Зубчатые горы. Там мало людей. Дикие места. Я смогу дать им бой на своих условиях.

Кнат долго молчал. Потом покачал головой.

— Об этом — завтра, — сказал он. — Сегодня ты отдыхаешь. Завтра соберём совет. Решим вместе. Ты не одна, Зара. Помни это.

Зара хотела возразить, но мать взяла её за руку.

— Отец прав, — сказала Менура. — Ты истощена. Даже шаманка не может сражаться без сил. Ложись спать. Всё остальное подождёт до утра.

Зара подчинилась. Она легла на свою старую лежанку, укрылась одеялом, пахнущим сушёными травами, и закрыла глаза. Ей казалось, что она не уснёт — слишком много мыслей крутилось в голове, — но усталость взяла своё. Она провалилась в сон, глубокий и тёмный, без сновидений.

Разбудил её ветер.

Она открыла глаза в полной темноте. За окном стояла глубокая ночь. Луна, должно быть, скрылась за тучами, потому что в избе было темно, хоть глаз выколи. Но Зара чувствовала: что-то изменилось. Воздух в комнате стал холоднее, плотнее, и в нём появился странный запах — не лесной, не травяной, а какой-то чужой, металлический, как после грозы. Она села на лежанке и прислушалась.

Сначала ничего не было. Только тишина. Потом — шорох. Тихий, едва различимый, словно кто-то провёл ладонью по стене снаружи. Зара повернула голову к окну. Оконце было затянуто бычьим пузырьём, но сквозь него она увидела смутный, колеблющийся свет — не лунный, не звёздный, а какой-то иной, зеленоватый, призрачный.

Она встала, накинула плащ и вышла на крыльцо.

Ночь была холодной и безлунной. Ветер, её старый друг, метался между домами, трепал соломку на крышах, раскачивал ветви деревьев. Но в его порывах было что-то необычное — не игра стихии, а осмысленное движение. Словно ветер искал её. И в этом ветре она слышала голос.

Не слова — образы. Обрывки мыслей, чувств, предупре-

ждений. Так говорили духи-вестники — не те, с кем она привыкла общаться в лесу, а другие, более древние, более быстрые, способные пересекать огромные расстояния за считанные часы. Они принесли ей вести.

Она закрыла глаза и позволила образам заполнить сознание.

Старое капище, залитое лунным светом. Вокруг алтаря, на котором ещё недавно рассыпалась прахом Мать Ведьм, стоят фигуры в тёмных плащах. Их много — гораздо больше, чем было в Лисьем овраге. Три ковена. Три сестры, старшие, могущественные, стоят в центре и держат руки над алтарём. Их губы шевелятся — они произносят клятву. На алтаре лежит что-то тёмное, влажное — Зара не может разобрать, что именно, но чувствует исходящий от него холод. Кровь. Они скрепляют клятву кровью.

Образ сменился. Теперь она видела леса, дороги, деревни. Везде, где проходили ведьмы, останавливалась жизнь. Птицы замолкали, звери прятались, люди запирали двери и не выходили до рассвета. Ведьмы шли — не таясь, не скрываясь, — и их было много. Десятки. Может быть, больше. Они собирались со всех концов, стекались к одному месту, как ручьи в половодье.

Последний образ был самым ярким. Она увидела себя. Зара стояла на заснеженном плато, окружённая врагами. Её посох был сломан, плащ изорван, лицо залито кровью. Но она не падала. Она сражалась. А вокруг неё высились пики Зуб-

чатых гор.

Видения исчезли. Зара открыла глаза. Ветер всё ещё дул, но теперь он был обычным — просто ночной бриз, пахнущий хвоей и приближающейся зимой. Она стояла на крыльце, сжимая перила, и её дыхание вырывалось облачками пара.

Значит, это правда. Ведьмы объединились. Три ковена, три Старшие сестры — они заключили союз и теперь идут за ней. И они не остановятся, пока не доберутся до Белых Камней.

Зара вернулась в дом. Отец не спал — сидел за столом при свете лучины и смотрел на неё.

— Ты тоже слышал? — спросила она.

— Ветер говорил со мной, — ответил Кнат. — Уже давно он так не говорил. Что ты видела?

— Ведьмы собираются. Три ковена. Они скрепили клятву кровью. Их ведут три Старшие сестры — Корга, Мора, Вельта. Они идут сюда.

Кнат выслушал, не перебивая. Потом кивнул.

— Значит, времени мало. Утром соберём совет. А пока — спи. Нам понадобятся силы.

Зара хотела возразить, но передумала. Она легла обратно на лежанку, но сон не шёл. Она лежала с открытыми глазами, глядя в тёмный потолок, и слушала, как ветер завывает за стенами. В его вое ей слышались голоса — далёкие, полные ненависти, но пока ещё не достигшие деревни. Пока ещё.

Утром всё решится. А пока — ночь. Тишина и ожидание.

Глава

Глава 3

Утро после ночных видений выдалось серым и безветренным. Небо над Белыми Камнями затянуло низкими, тяжёлыми тучами, и воздух был таким плотным, что каждый звук — скрип колодезного журавля, стук топора, лай собаки — казался приглушённым, словно доносился сквозь толстый слой войлока. Зара проснулась поздно — солнце уже стояло высоко, хотя за тучами его было не разглядеть. Она села на лежанке и увидела, что мать уже хлопочет у печи, а отец сидит за столом, разложив перед собой старую, потрёпанную карту. Ту самую, которую много лет назад они привезли из монастыря в Белогорье — с выцветшими чернилами, с обтрёпанными краями, с пометками, сделанными ещё рукой Ярко.

— Садись, — сказал Кнат, не поднимая головы. — Ешь. Скоро придут Лёнька и Ярко. Нужно решить, что делать.

Зара послушно села за стол. Мать поставила перед ней миску с кашей и кружку горячего отвара. Зара ела, не чувствуя вкуса, и смотрела на карту. Зубчатые горы были отмечены на ней неровной линией — дальний северо-восточный край, куда не добирался никто из жителей Белых Камней. За ними, судя по карте, не было ничего — только белое пятно с надписью «Земли неведомые».

Дверь отворилась, и в избу вошёл Лёнька. Он сильно из-

менился за эти годы: из угловатого юноши, которого Кнат когда-то подобрал на пепелище, он превратился в крепкого, широкоплечего мужчину с твёрдым взглядом и уверенными движениями. На поясе у него висел короткий меч, за спиной — лук, но главным его оружием была не сталь, а сила шамана, которую он получил, когда Кнат отдал свой дар. Он был шаманом Белых Камней уже много лет и нёс эту ношу достойно.

Следом вошёл Ярко — всё такой же худой и немного сутулый, с неизменной книгой под мышкой. Его волосы уже начали седеть, но глаза, карие и живые, светились прежним любопытством. За эти годы он стал не просто дядей Зары, а кем-то вроде хранителя знаний. Его хроника, которую он начал много лет назад, разрослась до нескольких томов, и теперь он считался едва ли не самым учёным человеком во всей округе.

— Я слышал, у нас беда, — сказал Лёнька, садясь на лавку. — Ветер ночью разбудил. Говорил, ведьмы идут.

— Не просто ведьмы, — ответила Зара. — Три ковена. Они объединились. Три Старшие сестры ведут их. Я видела это. Они скрепили клятву кровью.

— Кровная клятва, — Ярко нахмурился и положил книгу на стол. — Я читал о таком. Это древний обряд. Тот, кто скрепляет клятву кровью, не может её нарушить — иначе кровь обратится против него самого. Если они поклялись отомстить, они не остановятся, пока не выполнят клятву.

— Или пока не умрут, — добавил Кнат мрачно. — Мы знаем, зачем они идут. Вопрос в том, как их встретить. — Он развернул карту и прижал её края двумя глиняными кружками. — Смотрите. Белые Камни — здесь. Лисьев овраг, где Зара сражалась с Матерью Ведьм, — здесь, в дне пути к югу. Если ведьмы уже выступили, они могут быть здесь через три-четыре дня. Может быть, раньше, если идут без обоза.

— Они идут без обоза, — сказала Зара. — Я видела их. Они не берут с собой ничего, кроме оружия и магии. Им не нужны припасы. Их питает ненависть.

— Тогда у нас мало времени, — Лёнька подался вперёд. — Я могу подготовить оборону. Укрепить частокол, расставить дозоры, обновить охранные знаки. Если они придут сюда, мы встретим их.

— Нет, — Зара покачала головой. — Ты не понимаешь. Их слишком много. Три ковена — это не меньше трёх десятков ведьм, и каждая из них владеет магией. Частокол их не остановит. Охранные знаки они разрушат. Если они придут в Белые Камни, деревня будет уничтожена. Погибнут люди. Дети. Старики. Все, кто не может сражаться.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил Лёнька.

— Я уведу их за собой.

В избе повисла тишина. Даже огонь в печи, казалось, замер, прислушиваясь.

— В Зубчатые горы, — продолжала Зара, водя пальцем по карте. — Вот сюда. Это дикие, незаселённые места. Там

нет деревень, нет людей. Там я смогу дать им бой на своих условиях. И там они не причинят вреда никому, кроме меня.

Кнат долго молчал. Его лицо, изрезанное шрамами и морщинами, было непроницаемым, но Зара знала: внутри него идёт борьба. Он привык быть тем, кто уходит навстречу опасности, тем, кто принимает бой. А теперь его дочь собиралась сделать это вместо него.

— Я пойду с тобой, — сказал он наконец.

— Нет.

— Зара...

— Нет, — повторила она твёрже. — Ты больше не Глас. Ты — просто человек. Ты учил меня двенадцать лет, и всё это время готовил к тому, чтобы я могла стоять сама. Теперь этот момент настал. Если ты пойдёшь со мной, ты погибнешь. А если ты погибнешь, мать останется одна. Деревня останется без защиты. Лёнька — хороший шаман, но он не сможет удержать всё один. Ты нужен здесь.

— Она права, — тихо сказала Менура. Она всё это время стояла у печи, не вмешиваясь в разговор, но теперь подошла к столу и положила руку на плечо мужа. — Ты сделал для неё всё, что мог. Ты научил её всему, что знал. Теперь она должна идти сама.

Кнат посмотрел на жену, потом на дочь. В его глазах, обычно суровых и сдержанных, промелькнуло что-то — боль, гордость, страх, — но он быстро справился с собой.

— Хорошо, — сказал он. — Ты пойдёшь одна. Но я хочу,

чтобы у тебя было всё, что может пригодиться. Ярко, что ты знаешь о Зубчатых горах?

Ярко, который всё это время листал свою книгу, поднял голову.

— Немного, — признался он. — Эти места почти не исследованы. Но есть легенды. Говорят, что в Зубчатых горах когда-то обитали древние духи — не те, с которыми мы привыкли иметь дело, а иные, старше самой земли. Духи камня, льда и ветра. Одни из них враждебны людям, другие равнодушны, третьи могут помочь, если к ним правильно обратиться. Ещё говорят, что где-то там, в самом сердце гор, есть место под названием Плато Бурь — ровная площадка, окружённая пиками, где никогда не стихает ветер. Это место силы. Там можно провести ритуал. Или дать бой.

— Плато Бурь, — повторила Зара. — Я запомню.

— Ещё одно, — Ярко перевернул страницу. — В легендах упоминается древний амулет — Сердце Горы. Говорят, он был создан много веков назад и способен удерживать магию, как плотина удерживает воду. Никто не знает, существует ли он на самом деле, но если ты найдёшь его, он может помочь.

— Где его искать?

— Неизвестно. Легенды говорят только, что он спрятан «там, где камень встречается с небом». Это может означать что угодно.

Зара кивнула, запоминая. Она знала, что в пути ей придётся полагаться не только на знания, но и на чутьё. На то

самое чутьё, которое отец развивал в ней все эти годы.

Лёнька, который до этого молчал, вдруг заговорил:

— Я пойду с тобой.

— Нет, — ответила Зара, не задумываясь. — Ты нужен здесь. Ты — шаман Белых Камней. Если со мной что-то случится, ты останешься единственным, кто сможет защитить деревню. Я не могу забрать тебя.

— А если с тобой что-то случится, и меня здесь не будет, я себе этого не прощу.

— А если с деревней что-то случится, пока ты будешь в горах, ты себе этого не простишь тоже, — возразила Зара. — Послушай, Лёнька. Я знаю, ты хочешь помочь. Но помощь бывает разной. Ты можешь помочь мне, оставаясь здесь. Защищая мой дом. Моих родителей. Если ведьмы решат не идти за мной, а ударить по деревне — ты должен быть здесь, чтобы встретить их. Ты понимаешь?

Лёнька долго смотрел на неё. Потом медленно кивнул.

— Понимаю. Но обещай мне, что вернёшься.

— Я не могу обещать того, в чём не уверена, — честно ответила Зара. — Но я обещаю, что сделаю всё, что смогу.

Лёнька ничего не сказал. Он просто встал, подошёл к ней и положил руку на плечо — жест, который был сильнее любых слов.

К вечеру приготовления были закончены. Менура собрала Заре котомку: сушёное мясо, лепёшки, целебные травы, чистые бинты, маленький котелок. Кнат дал ей свой старый

огнивый мешочек и запасной нож с костяной рукоятью — тот самый, который прошёл с ним через Пустоземье. Ярковручил ей свёрнутую карту и несколько страниц, вырванных из книги, с описанием Зубчатых гор и их духов. Лёнька принёс амулет — маленький, вырезанный из кости, с охранным знаком.

— Я сделал его прошлой ночью, — сказал он. — Он не остановит ведьму, но может предупредить об опасности. Если он нагреется — значит, враг близко.

Зара взяла амулет и повесила на шею, рядом с теми старыми, что дарила отцу в детстве. Теперь их было четыре: два берестяных, один глиняный и один костяной. Четыре оберега. Четыре обещания вернуться.

Когда солнце начало клониться к закату, Зара вышла на крыльцо. Вся деревня, казалось, собралась у её дома — люди стояли вдоль улицы, молчаливые и серьёзные. Они знали: происходит что-то важное. Зара обвела их взглядом, но не стала говорить речей. Она не умела говорить речей. Вместо этого она просто подняла посох — отцовский посох, — и коснулась им лба. Жест прощания. Жест благословения.

Потом она повернулась к родителям. Менура стояла на крыльце, прижимая руки к груди, и в её глазах были слёзы, которые она не позволяла себе пролить. Кнат стоял рядом — прямой, суровый, но в его взгляде была гордость. Он не сказал «прощай». Он сказал:

— Помни, чему я тебя учил. Доверяй чутью. Слушай лес.

Слушай ветер. И возвращайся.

— Я вернусь, — ответила Зара.

Она обняла мать, пожала руку отцу, кивнула Лёнке и Ярко. Потом поправила котомку, перехватила посох и зашагала к околице.

Глава 4

Зара вышла за околицу, когда солнце уже наполовину скрылось за лесом. Длинные тени протянулись через поле, и старая рябина, что росла у дороги, отбрасывала на землю причудливый, колеблющийся узор. Она остановилась у этой рябины — той самой, которую посадили когда-то её родители в память о павших в Тёмном Лесу, — и коснулась ладонью шершавого ствола. Дерево было старым, но крепким, и Зара почувствовала, как внутри него течёт медленная, спокойная жизнь. Оно не знало тревог и не ведало страха. Оно просто росло — год за годом, пуская корни всё глубже в землю.

Она отняла руку и пошла дальше. Дорога, по которой она ступала, была ей знакома до каждого поворота. Здесь она ходила с отцом на первые уроки — к старому дубу, где впервые научилась слышать Невидимых. Здесь они возвращались после встречи с Эхо-Хранителем, когда она была ещё испуганной девочкой, не понимавшей, как отличить настоящий голос от поддельного. Здесь, у этого ручья, она однажды упала и разбила колено, и отец, не сказав ни слова, промыл рану и завязал чистым лоскутом. Он никогда не ругал её за слабость. Он просто учил её быть сильной.

Воспоминания накатывали одно за другим, но Зара не отмахивалась от них. Она знала: прощание — это не момент, это путь. И она проходила его сейчас, шаг за шагом, остав-

ляя позади всё, что было ей дорого.

Лес вокруг начал сгущаться. Знакомые сосны и берёзы уступали место елям — тем самым, что росли на границе между освоенными землями и дикой чащей. Здесь уже не было троп, протоптанных охотниками. Здесь начиналась территория, куда люди заходили редко, а если и заходили, то ненадолго. Зара шла, ориентируясь по мху на стволах и по тому внутреннему чутью, которое никогда её не подводило. Северо-восток — она держала направление, сверяясь с картой Ярко, но больше полагаясь на инстинкт.

Ветер, её верный спутник, дул в спину. Он был прохладным и пах приближающейся осенью. Зара не разговаривала с ним — не сейчас. Ей нужно было сосредоточиться. Она знала, что ведьмы уже выступили. Знала, что они идут по её следу. И знала, что времени у неё немного.

К ночи она добралась до небольшой поляны, окружённой высокими елями. Место было удобным для стоянки: с одной стороны поляну защищал скальный выступ, с другой — густой кустарник. Зара развела небольшой костёр, стараясь, чтобы дым рассеивался в кронах, и села, привалившись спиной к валуну. Есть не хотелось, но она заставила себя разжевать полоску сушёного мяса и запить водой из фляги. Отец всегда говорил: «Воин, который не ест, когда есть возможность, проигрывает битву ещё до её начала». Она помнила этот урок. Как и все остальные.

Ночь опустилась на лес быстро — без сумерек, как это

бывает в густой чаще. Зара сидела у костра, положив посох на колени, и слушала. Лес не был тихим. В кронах шуршали невидимые зверьки, где-то далеко ухал филин, а ветер, запутавшись в ветвях, издавал низкий, протяжный гул. Все эти звуки были знакомы и даже успокаивали. Но среди них Зара различала и другие — те, что не принадлежали лесу.

Она не видела их, но чувствовала. Духи-шпионы ведьм были здесь. Мелкие, подхалимные существа, питающиеся крохами чужой силы, они прятались в тенях, шныряли в подлеске, следили за каждым её движением. Зара могла бы разогнать их — хватило бы одного слова, одного жеста, — но она не стала. Пусть следят. Пусть докладывают своим хозяйкам. Это часть её плана. Ведьмы должны знать, куда она идёт. Должны следовать за ней. Должны уйти из этих лесов, подальше от Белых Камней, подальше от невинных людей.

Она закрыла глаза, но не уснула — только погрузилась в то состояние полудрёмы, которое позволяло ей одновременно отдыхать и оставаться настороже. Так прошло несколько часов. А потом она услышала голос.

Это не был ветер. Не был дух. Это был человеческий голос — тихий, но отчётливый, доносившийся откуда-то из-за деревьев.

— Зара-а-а...

Она открыла глаза, но не шевельнулась. Голос прозвучал снова — теперь ближе.

— Зара-а-а... дочь Гласа-а-а... мы идём за тобо-о-ой...

Голос был женским, старым, скрипучим, как несмазанная дверь. Он тянул гласные, и в этом растягивании было что-то неестественное, вызывающее мурашки. Зара узнала его. Это был голос одной из Старших сестёр — той, что звали Коргой. Она не была здесь физически — только её дух, отделившийся от тела, скользил по лесу, ища свою жертву.

— Ты думаешь, что убежишь от нас? — продолжал голос, и в нём послышалась насмешка. — Ты думаешь, что горы спасут тебя? Глупая девчонка. Мы древнее этих гор. Мы старше этого леса. Мы были здесь, когда твои предки ещё не знали огня. Ты не спрячешься. Ты не уйдёшь. Мы найдём тебя везде.

Зара молчала. Она знала: отвечать нельзя. Вступить в разговор с духом-поисковиком — значит дать ему зацепку, позволить проникнуть в сознание. Отец учил её этому ещё в детстве, когда рассказывал об Эхо-Хранителе. «Не отвечай, — говорил он. — Не верь. Слушай не ушами — сердцем». И она слушала.

Голос Корги звучал ещё некоторое время — то приближаясь, то удаляясь, — а потом затих. Дух-поисковик не мог долго оставаться на одном месте. Он должен был вернуться к хозяйке и доложить об увиденном. Зара знала: теперь ведьмы знают, где она. И они ускорят погоню.

Она подбросила веток в костёр и стала ждать рассвета. Спать больше не хотелось.

Утро наступило серое и холодное. Туман, поднявшийся

от ручьёв, стелился по земле, скрывая очертания деревьев и делая лес похожим на призрачное царство. Зара собрала вещи, затушила костёр и двинулась дальше. Она шла быстро, насколько позволяла местность, и с каждым часом лес становился всё более диким. Тропы исчезли. Приходилось пробираться через буреломы, переходить вброд ледяные ручьи, карабкаться по замшелым валунам. Но она не сбавляла темпа. Позади неё, где-то в нескольких днях пути, шли ведьмы. И они тоже не останавливались.

К полудню Зара вышла к краю обширного болота. Это было не то Проклятое Болото, о котором рассказывал отец, — другое, поменьше, но такое же мрачное. Чёрная, маслянистая вода простиралась до горизонта, и над ней стелился густой, белёсый туман. Из воды торчали мёртвые деревья — их голые, скрюченные ветви тянулись к небу, словно руки утопленников. Пахло гнилью и сыростью.

Зара остановилась на краю. Она могла бы обойти болото — это заняло бы несколько часов, — но время было дорого. С другой стороны, идти напрямик через трясину было опасно. Болота населяли свои духи, и не все из них были дружелюбны. Она присела на корточки, коснулась ладонью чёрной воды и закрыла глаза.

— Я — Зара, дочь Кната, — произнесла она тихо. — Я иду через твои земли, болото. Я не желаю тебе зла. Позволь мне пройти.

Вода под её пальцами едва заметно дрогнула. Зара почув-

ствовала присутствие — древнее, медлительное, как сам ил, накопившийся за века. Дух болота не был враждебен, но и не был дружелюбен. Он просто был. И он размышлял.

— Ты — дочь того, кто освободил Мать Тьмы, — раздался голос, похожий на бульканье воды. — Мы знаем о тебе. Мы знаем, что ты убила Мать Ведьм. Ты сильна. Но сила не даёт права прохода. Что ты предложишь взамен?

Зара задумалась. Она знала, что духи болот ценят определённые вещи. Память. Истории. Тайны. Она вспомнила урок Камнедуха — о терпении, о медленном движении.

— Я расскажу тебе историю, — сказала она. — Историю о том, как мой отец спустился в Проклятое Болото и освободил Мать Тьмы. Ты, наверное, знаешь эту историю в общих чертах — все духи знают. Но я расскажу её так, как знаю я. Со слов отца. С подробностями, которые не известны никому.

Дух болота помолчал. Потом вода перед Зарой расступилась, открывая узкую, но твёрдую тропу — словно невидимая рука раздвинула ил и тину.

— Рассказывай, — произнёс дух. — И иди. Пока ты будешь говорить, тропа будет держаться. Когда закончишь — будешь на том берегу.

Зара кивнула и ступила на тропу. И пока она шла через болото, она говорила. Она рассказывала о том, как Кнат, тогда ещё Глас, впервые вошёл в Тёмный Лес. О том, как он сражался с тварями два года, теряя друзей и соратников. О

том, как спустился в чёрную воду и прошёл через слои Памяти, Гнева и Скорби. О том, как встретил Мать Тьмы и принял её боль. Ио том, как отдал свой дар, чтобы освободить её.

Она говорила долго — почти час, — и когда последние слова сорвались с её губ, тропа закончилась. Зара стояла на твёрдой земле, на другом берегу болота. Дух не ответил ей — только вода за спиной сомкнулась, скрывая тропу.

— Спасибо, — сказала Зара в пустоту и зашагала дальше.

К вечеру второго дня она достигла предгорий. Лес здесь начал редеть, уступая место каменистым склонам, поросшим жёсткой травой и редким кустарником. Воздух стал холоднее, и ветер дул уже не в спину, а в лицо — пронизывающий, пахнувший снегом и дальними вершинами. Зара подняла воротник плаща и пошла дальше. Где-то впереди, за этими холмами, начинались Зубчатые горы.

Она нашла укрытие среди нагромождения валунов — нечто вроде неглубокой пещеры, образованной упавшими друг на друга каменными плитами. Внутри было сухо и относительно тепло. Она развела костёр — маленький, чтобы не привлекать внимания, — и села, скрестив ноги, глядя в огонь.

Сегодня голосов не было. Духи-шпионы, сопровождавшие её от самой деревни, отстали у болота — то ли испугались духа трясины, то ли потеряли след. Зара знала, что это ненадолго. Рано или поздно ведьмы найдут её снова. Но пока у неё была передышка.

Она достала из котомки карту, которую дал Ярко, и развернула её. Зубчатые горы были совсем близко — может быть, день пути. За ними лежало Плато Бурь. А где-то там, «где камень встречается с небом», было спрятано Сердце Горы — если оно вообще существовало. Зара не знала, найдёт ли она его. Но она знала одно: эти горы станут её крепостью. Или её могилой.

Она свернула карту, подбросила веток в костёр и стала ждать рассвета.

Глава 5

Зара покинула каменное укрытие задолго до рассвета. Она не спала — лишь забылась короткой, чуткой дремой, которая не принесла отдыха, но позволила телу немного восстановиться. Мышцы всё ещё ныли после долгого перехода через болото, а в висках пульсировала тупая, знакомая боль — следствие перенапряжения магических сил. Она знала, что ей нужен полноценный отдых, хотя бы день, хотя бы несколько часов глубокого сна без сновидений. Но позволить себе это сейчас означало бы подписать себе приговор. Ведьмы не ждали. И она не могла ждать.

Предгорья встретили её холодным ветром и низким, свинцовым небом. Тучи, которые накануне затянули горизонт, опустились ещё ниже, и вершины холмов терялись в серой, клубящейся мгле. Воздух был влажным и тяжёлым, пропитанным запахом камня, сырой земли и приближающейся зимы. Зара плотнее запахнула плащ и зашагала на северо-восток, туда, где за полосой холмов, согласно карте Ярко, начинались Зубчатые горы.

Местность вокруг менялась с каждым часом. Лес окончательно отступил, уступив место каменистым склонам, поросшим жёсткой, бурой травой и редким, искорёженным ветром кустарником. Деревья здесь были низкими, приземистыми, с изогнутыми стволами и корнями, вцепившимися в скаль-

ную породу, как пальцы утопающего. Камни под ногами стали острее, и Заре приходилось внимательно смотреть, куда она ступает, чтобы не подвернуть ногу и не сорваться в одну из многочисленных расщелин, которыми была изрезана земля.

Она шла уже несколько часов, когда ветер вдруг переменялся. Он дул с севера всё утро, но теперь, словно по чьему-то приказу, развернулся и ударил в лицо — резкий, порывистый, несущий с собой не только холод, но и нечто иное. Запах. Слабый, едва уловимый, но узнаваемый. Запах гари, старой кожи и каких-то пряных трав — тех самых, что используют ведьмы в своих ритуалах. Зара остановилась и пригнулась. Ошибки быть не могло. Враги были близко.

Она быстро огляделась, оценивая местность. Прямо перед ней склон холма уходил вниз, в неглубокую лощину, по дну которой тёк ручей — узкий, но быстрый, с каменистыми берегами. Слева возвышалась груда огромных валунов — остатки древнего оползня, поросшие мхом и лишайником. Справа склон становился круче, переходя в скальный выступ, нависавший над лощиной. Место было идеальным для засады.

Зара не раздумывала. Она быстро, но бесшумно поднялась по склону, цепляясь за выступы скалы и корни кустарника, и заняла позицию на скальном выступе. Отсюда открывался отличный обзор на лощину и на противоположный склон, откуда, судя по направлению ветра, должны были по-

явиться преследователи. Она легла на холодный камень, вытянула посох перед собой и стала ждать.

Время потянулось медленно. Ветер выл в расщелинах, заглушая все остальные звуки. Зара лежала неподвижно, сливаясь с камнем, как учил её отец много лет назад. «Терпение, — говорил он. — Охота — это не погоня. Охота — это ожидание. Ты должна стать частью леса, частью скалы. Тогда добыча сама придёт к тебе». Она вспомнила, как они сидели вдвоём у старого дуба, и он рассказывал ей о своей первой охоте в Пустоземье — о том, как он, истощённый и обессиленный, сумел подстеречь и убить зверя только потому, что прождал в засаде почти сутки. Этот урок она усвоила накрепко.

Прошло около часа. Зара уже начала сомневаться, не ошиблась ли она, не померещился ли ей этот запах, когда на противоположном склоне показалось движение. Сначала — лишь смутные тени, скользящие между камнями. Потом — фигура. Высокая, закутанная в тёмный плащ с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо. За ней — вторая, третья. Зара насчитала пятерых. Пять ведьм шли цепью, держась на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Они двигались быстро и уверенно, не оглядываясь по сторонам — видимо, полагались на магическое чутьё, которое должно было предупредить их об опасности. Но их чутьё молчало. Зара позаботилась об этом.

Она закрыла глаза и мысленно потянулась к Невидимым.

Это было труднее, чем обычно: после битвы с Матерью Ведьм её связь с духами ослабла, и Невидимые отзывались не так охотно, как прежде. Но они всё же пришли. Зара почувствовала знакомое присутствие — лёгкое, как дуновение ветерка, но в то же время плотное, осязаемое. Невидимые обступили её, окутали своим безмолвным покровом, скрывая от магического зрения. Теперь для ведьм она была просто частью скалы — неотличимой, незаметной.

Первая ведьма уже спустилась в лощину. Она подошла к ручью, наклонилась, зачерпнула воды пригоршней — и замерла. Зара увидела, как её спутницы тоже остановились, насторожившись. Видимо, их предводительница что-то почувствовала. Но было поздно.

Зара поднялась в полный рост, вскинула посох и направила его вниз. Она не стала тратить время на заклинания — просто обрушила на врагов всю ту силу, что накопила за часы ожидания. Невидимые, повинаясь её безмолвному приказу, ударили первыми. Камни на склоне пришли в движение — сперва мелкие, потом крупнее, — и целая лавина щебня и валунов обрушилась на ведьм, отрезая им путь к отступлению. Одновременно с этим Зара метнула в ближайшую ведьму сгусток света — не такой мощный, как тот, что убил Мать Ведьм, но достаточный, чтобы оглушить и сбить с ног.

Ведьма вскрикнула и рухнула на камни. Её спутницы, мгновенно оправившись от неожиданности, развернулись к Заре и выбросили вперёд руки — с их ладоней сорвались

чёрные, извивающиеся жгуты тьмы. Зара отбила два из них посохом, третий приняла на плечо — ткань плаща задымилась, и она почувствовала острую, обжигающую боль. Но не остановилась. Она спрыгнула со скального выступа, приземлилась на склон и, используя инерцию падения, нанесла удар посохом по ногам второй ведьмы. Та взвыла и повалилась, хватаясь за раздробленную голень.

Оставшиеся три ведьмы окружили Зару. Они больше не пытались атаковать издали — видимо, поняли, что магический бой против той, кто владеет Пламенем Истины, обречён. Вместо этого они выхватили из складок плащей оружие: две — длинные, изогнутые кинжалы с тёмными лезвиями, третья — короткий посох, очень похожий на тот, что был у Матери Ведьм. Зара встала в боевую стойку, держа посох обеими руками, и приготовилась к атаке.

— Ты дорого заплатишь за смерть нашей Матери, — прошипела та, что была с посохом. Её лицо, частично скрытое капюшоном, было бледным и измождённым, а глаза горели фанатичным огнём. — Кровь за кровь, дочь Гласа. Кровь за кровь.

— Я не хотела её смерти, — ответила Зара. — Она сама выбрала этот путь.

— Ложь!

Ведьма бросилась в атаку. Её посох закружился, нанося удары с неожиданной для такого хрупкого тела силой. Зара парировала, отступая, — она знала, что две другие ведь-

мы ждут момента, чтобы напасть с флангов. Так и случилось: когда она отразила очередной удар, та, что была справа, метнулась вперёд, целя кинжалом в бок. Зара развернулась, пропуская лезвие мимо, и ударила нападавшую локтём в висок. Ведьма пошатнулась, но устояла. Третья, воспользовавшись моментом, попыталась вонзить кинжал Заре в спину, но Невидимые, всё ещё бывшие рядом, толкнули её — невидимая рука ударила в плечо, и ведьма промахнулась, лишь распоров край плаща.

Зара поняла, что затяжной бой ей невыгоден. Она была одна, их — трое, и где-то позади, возможно, шли другие. Нужно было заканчивать. Она отпрыгнула назад, разрывая дистанцию, и скинула посох.

— Уходите, — произнесла она. — Я не хочу вас убивать. Уходите сейчас, и я сохраню вам жизнь.

— Ты думаешь, мы испугаемся? — ведьма с посохом оскалилась. — Ты убила нашу Мать. Ты ответишь за это. Если не перед нами — то перед Коргой, Морой и Вельтой. Они уже идут. И они не знают пощады.

— Я дала вам шанс.

Зара закрыла глаза и потянулась внутрь себя — туда, где всё ещё тлела искра силы, доставшаяся ей от отца. Она не была Гласом. Она не могла призывать духов так, как он. Но она могла делать другое: она могла говорить с ними как равная. И сейчас, стоя в окружении врагов, она обратилась не к Невидимым, не к ветру, не к земле. Она обратилась к са-

мой сути этого места. К камням. К скалам. К древней, спящей силе, которая дремала в этих горах задолго до появления первых людей.

И горы ответили.

Земля под ногами ведьм задрожала. Камни на склоне зашевелились, словно живые существа, и начали сползаться, образуя вокруг Зары подобие стены. Ведьмы вскрикнули, пытаясь отступить, но камни смыкались всё плотнее, отрезая их друг от друга. Одна из них, та, что была с кинжалом, попыталась прорваться силой — её руки засветились тёмным огнём, и она ударила по каменной преграде. Камень треснул, но устоял. Второй удар — и преграда пошла трещинами. Третий — и ведьма прорвалась, но на неё уже летел посох Зары.

Удар пришёлся в грудь. Ведьма отлетела назад, врезалась в скалу и сползла по ней, оставляя тёмный след. Она не встала.

Две оставшиеся переглянулись. В их глазах, только что горевших фанатичной яростью, появился страх. Они поняли: этот бой им не выиграть. Та, что была с посохом, выкрикнула что-то на древнем, незнакомом Заре языке, и обе ведьмы, не сговариваясь, бросились бежать — вверх по склону, прочь из лощины, туда, откуда пришли. Зара не преследовала их. Она стояла, тяжело дыша, опираясь на посох, и смотрела, как тёмные фигуры скрываются за гребнем холма.

Тишина наступила не сразу. Ещё несколько минут слы-

шался шорох осыпающихся камней и далёкий, затихающий топот ног. Потом всё стихло. Зара опустилась на колени прямо в мокрую траву и закрыла глаза. Плечо, в которое попал жгут тьмы, горело огнём. Она стянула плащ, осмотрела рану: кожа вокруг ожога покраснела и вздулась, но глубокого поражения не было — магия рассеялась, не успев проникнуть глубже. Ей повезло. Могло быть хуже.

Она достала из котомки пучок сушёной календулы и горсть подорожника — мать всегда клала их в дорогу, — разжевала травы в кашу и приложила к ожогу. Холодок пробежал по коже, и боль немного утихла. Потом она перевязала плечо чистым лоскутом, закрепила повязку и поднялась.

Три тела лежали в лощине. Одна ведьма — та, что попала под камнепад, — была мертва. Вторая, с раздробленной ногой, ещё дышала, но была без сознания. Третья, та, что получила удар посохом в грудь, не шевелилась. Зара подошла к ней, наклонилась, проверила пульс — его не было. Она выпрямилась и постояла немного, глядя в бледное, застывшее лицо. Молодое. Наверное, немногим старше её самой. Что привело эту женщину в ковен? Жажда власти? Мечь? Или просто отчаяние? Этого Зара уже никогда не узнает.

Она повернулась и зашагала прочь из лощины. Ей нужно было уйти как можно дальше до темноты. Две сбежавшие ведьмы вернутся к основному отряду и расскажут о случившемся. Теперь Корга, Мора и Вельта будут знать, что их передовой отряд уничтожен. И их ярость станет ещё сильнее.

К вечеру Зара добралась до первых отрогов Зубчатых гор. Местность здесь разительно изменилась: холмы, по которым она шла весь день, сменились отвесными скалами и глубокими ущельями, на дне которых шумели невидимые ручьи. Тропы здесь не было — только звериные следы, ведущие вверх, в лабиринт камня и льда. Воздух стал ещё холоднее, и ветер, завывавший в расщелинах, приносил запах снега.

Зара нашла небольшую пещеру у подножия скалы — скорее, даже не пещеру, а глубокую нишу, защищённую от ветра каменным козырьком. Она заползла внутрь, устроилась на относительно ровном участке и позволила себе наконец расслабиться. Плечо ныло, но уже не так сильно — травы делали своё дело. Она поела, запила еду водой из фляги и стала ждать.

Ночь опустилась на горы быстро. Здесь, на высоте, темнота была иной — более плотной, более глубокой, полной незнакомых звуков. Где-то далеко, в скалах, кричала какая-то ночная птица. Ветер гудел в ущельях, и его гул был похож на голоса — низкие, протяжные, неразборчивые. Зара сидела, привалившись спиной к холодному камню, и слушала. Она пыталась различить в этом хоре голосов знакомые ноты — голоса Невидимых, шёпот ветра, предупреждения духов. Но всё было чужим. Эти горы не знали её. И они не спешили принимать чужачку.

Она не спала. Она ждала. И, как оказалось, не зря.

Где-то за полночь у входа в пещеру мелькнула тень. Зара

мгновенно вскинула посох, но тут же опустила его: это была не ведьма. На фоне звёздного неба, заглядывая в пещеру, стояла небольшая, сгорбленная фигура — не человек, но и не зверь. Дух. Один из горных духов, о которых рассказывал Ярко. Он был похож на оживший сталагмит: серый, шершавый, с длинными, узловатыми руками, свисавшими до земли. Его глаза — два тусклых, жёлтых огонька — смотрели на Зару без враждебности, но и без приветливости. Скорее, с любопытством.

— Ты — человек, — произнёс он скрипучим, как осыпающийся камень, голосом. — Человек в наших горах. Это редкость. Зачем ты здесь?

— Меня зовут Зара, — ответила она, не опуская посоха. — Я пришла, потому что за мной идут враги. Я не хочу, чтобы они причинили вред невинным. Я уведу их в горы и здесь дам им бой.

Дух помолчал, переваривая услышанное. Потом его жёлтые глаза мигнули.

— Ты говоришь правду. Я чувствую это. Но горы не любят, когда в них сражаются. Горы — это покой. Это тишина. Твоя война может разбудить то, что спит.

— Я не хочу никого будить, — сказала Зара. — Я хочу только защитить себя и свой дом. Если ты знаешь, как мне пройти через эти горы, не потревожив их покоя, — скажи. Я последую твоему совету.

Дух снова помолчал. Потом медленно, словно через силу,

произнёс:

— Есть тропа. Старая тропа, которую проложили те, кто жил здесь задолго до людей. Она ведёт через перевал к Плато Бурь. Но тропа эта опасна. На ней обитают те, кто не любит чужаков. Если ты пойдёшь по ней, ты можешь не дойти.

— Я пойду, — сказала Зара. — Другого пути у меня нет. Дух кивнул — или это просто качнулась его голова на тонкой каменной шее.

— Тогда слушай. Завтра, когда солнце поднимется над восточным пиком, иди вдоль ручья, что течёт из ущелья. Ты увидишь расколотую сосну — от неё повернёшь на север. Там начнётся тропа. И помни: что бы ты ни услышала на этой тропе, не откликайся. Что бы ты ни увидела — не верь. Иди прямо. И, может быть, ты пройдёшь.

— Спасибо тебе, — сказала Зара. — Как твоё имя?

— У нас нет имён, — ответил дух и начал таять, растворяясь в темноте. — Мы — просто камни.

Он исчез, оставив после себя только слабый запах пыли и холод. Зара осталась одна.

Глава 6

Ночь над Лисьим оврагом стояла беззвёздная. Тяжёлые, низкие тучи, пришедшие с севера ещё накануне, затянули небо сплошной пеленой, сквозь которую не пробивалось ни лунного света, ни проблеска далёких созвездий. В овраге царил густой, почти осязаемый мрак — такой плотный, что даже пламя факелов, которые держали в руках собравшиеся, казалось приглушённым, сжатым, словно сам воздух здесь сопротивлялся свету. Капище Чёрной Луны, ещё недавно бывшее местом гибели Матери Ведьм, теперь снова ожило. Десятки фигур в тёмных плащах стояли полукругом вокруг древнего алтаря, и их лица, скрытые глубокими капюшонами, были обращены к центру, где возвышались три женские фигуры.

Корга, Мора и Вельта. Три Старшие сестры, три хранительницы древней силы, три наследницы Матери Ведьм. Они стояли у алтарного камня, и их присутствие ощущалось физически: воздух вокруг них дрожал, как над раскалённой печью, а тени, отбрасываемые факелами, вели себя странно — они не колыхались в такт пламени, а замирали, словно прислушиваясь к тому, что здесь происходит. Никто из собравшихся ведьм не произносил ни слова. Все ждали, когда заговорят Старшие.

Корга была самой старшей — не только по возрасту, но и

по силе. Её лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало кору древнего дуба, а глаза, тёмные и глубокие, горели холодным, багровым огнём — тем самым, который отличал истинных повелительниц Тёмного Пути. Она опиралась на посох из чёрного дерева, увенчанный рогатым черепом какого-то неведомого существа, и при каждом её движении с посоха срывались крошечные искры тьмы, которые тут же гасли в воздухе. Корга была старше, чем могла показаться: ей было далеко за сто лет, но сила, которую она выпила из десятков духов и нескольких неудачливых соперниц, поддерживала в ней жизнь. Она помнила ещё те времена, когда Мать Ведьм была молодой. Она была её правой рукой, её тенью, её верной слугой. И теперь, когда Мать была мертва, Корга считала своим долгом довершить начатое.

Мора стояла по правую руку от Корги. Она была полной противоположностью своей старшей сестры: высокая, худая, как скелет, обтянутый пергаментной кожей, с длинными, неестественно тонкими пальцами, которые никогда не знали прикосновения к чему-либо живому. Её лицо было бледным до синевы, а глаза — бесцветными, как у рыбы, вытасненной из глубины. Мора не носила посоха — её оружием были руки, способные вытягивать жизнь из всего, к чему они прикасались. Она была мастером запретной магии, той, что питается не силой духов, а самой сутью живых существ. Говорили, что Мора никогда не спит — она просто замирает, как змея, и ждёт. Она редко говорила, но каждое её слово

падало, как приговор.

Вельта была самой молодой из трёх — ей не было и пятидесяти, но она уже успела заслужить место среди Старших сестёр. В отличие от Корги и Моры, она не полагалась на древние ритуалы и тёмные договоры. Её сила была иной — быстрой, яростной, разрушительной. Она управляла огнём — не тем, что даёт тепло и жизнь, а тем, что пожирает, не оставляя после себя ничего, кроме пепла. Её рыжие волосы, выбивавшиеся из-под капюшона, казались языками пламени, застывшими в камне. Она была амбициозна, нетерпелива и жестока, но при этом достаточно умна, чтобы понимать: одной ей с Зарой не справиться. Поэтому она согласилась на союз.

— Сёстры, — произнесла Корга, и её голос, низкий и рокочущий, разнёсся над капищем, заставляя факелы дрожать. — Мы собрались здесь, чтобы скрепить клятву. Мать мертва. Убита. Её прах развеян ветром, её посох расколот. Та, что сделала это, носит имя Зара. Она — дочь Гласа, того самого, что когда-то освободил Проклятое Болото. Она молода, но её сила велика. Она прошла через пустоту и пламя, она говорит с Невидимыми и повелевает ветром. Она опасна. Но она — всего лишь человек. И она будет уничтожена.

По толпе ведьм пробежал одобрителный шёпот. Корга подняла руку, призывая к тишине, и продолжила:

— Наш передовой отряд, посланный по следу Зары, не вернулся. Трое убиты, двое бежали. Они рассказали о том,

что видели. Дочь Гласа не убегает. Она идёт в Зубчатые горы. Она хочет увести нас за собой, подальше от своей деревни, от своего драгоценного отца. Что ж, пусть. Горы станут её могилой. Но для этого мы должны действовать вместе. Три ковена — Серых Камней, Тёмной Воды и Пламенеющего Тёрна — должны забыть старые распри и объединиться под одной клятвой. Кровной клятвой.

При упоминании кровной клятвы несколько ведьм вздрогнули. Это был древний, опасный обряд, связывающий участников нерушимым обязательством. Тот, кто нарушал кровную клятву, умирал — не от руки человека, а от собственной крови, которая обращалась против него. На такой обряд решались лишь в самых крайних случаях. И сейчас был именно такой случай.

Мора, до этого молчавшая, заговорила. Её голос был тихим, как шелест сухих листьев, но каждое слово проникало в самое сердце, заставляя кровь стынуть в жилах.

— Кровная клятва — это не просто слова, — произнесла она. — Это связь. Тот, кто принесёт её, уже не сможет отступить. Не сможет предать. Не сможет передумать. Если среди вас есть те, кто сомневается, — уходите сейчас. Потому что, когда клятва будет принесена, обратной дороги не будет.

Никто не двинулся с места. Ведьмы стояли, опустив головы, и ждали. Корга удовлетворённо кивнула и жестом подозвала одну из младших сестёр — совсем юную девушку с бледным лицом и испуганными глазами. Та подошла к алта-

рю, неся в руках небольшую каменную чашу, вырезанную из цельного куска обсидиана. Чаша была старой — очень старой, — и её края потемнели от запёкшейся крови многих поколений.

Корга взяла чашу и поставила её на алтарь. Затем она достала из складок плаща небольшой нож с костяной рукояткой — точно такой же, каким когда-то пользовалась Мать Ведьм, — и, не колеблясь, провела лезвием по своей левой ладони. Кровь, тёмная и густая, закапала в чашу. Корга сжала руку в кулак, позволяя крови течь, и протянула нож Море.

Мора повторила жест — так же спокойно, так же без колебаний. Её кровь была светлее, чем у Корги, и в свете факелов она казалась почти розовой, но Зара, если бы она могла это видеть, почувствовала бы исходящий от неё холод. Вельта, принимая нож, усмехнулась и резким движением полоснула по ладони — её кровь брызнула в чашу, смешиваясь с кровью сестёр, и от этого смешения по алтарю пробежала дрожь.

Теперь настала очередь остальных. Одна за другой ведьмы подходили к алтарю, брали нож, делали надрез на ладони и добавляли свою кровь в чашу. Никто не отказывался. Никто не колебался. Даже та юная девушка, что принесла чашу, — она вскрикнула, когда лезвие коснулось её кожи, но не отступила. Через полчаса чаша была наполнена почти до краёв. Тёмная, густая жидкость, смесь крови трёх десятков женщин, связанных единой целью, пульсировала, как живое существо.

Корга подняла чашу над головой и произнесла слова на древнем языке — том самом, который использовали ещё первые ведьмы, когда заключали договоры с Тьмой. Её голос гремел, отражаясь от стен оврага, и факелы, до этого горевшие ровно, вдруг вспыхнули ярче, взметнувшись вверх столбами пламени. Ветер, невидимый и холодный, закружился над капищем, и в его вое слышались голоса — не человеческие, не звериные, а какие-то иные, доносящиеся из глубин, куда не заглядывает солнце.

— Кровью нашей клянёмся! — выкрикнула Корга. — Смерть дочери Гласа! Смерть Заре! Да не будет нам покоя, пока её сердце не остановится! Да не будет нам прощения, если мы отступим! Кровь к крови! Смерть к смерти! Тьма свидетельница!

— Кровь к крови! — подхватили ведьмы хором. — Смерть к смерти! Тьма свидетельница!

Корга выплеснула содержимое чаши на алтарный камень. Кровь растеклась по чёрной поверхности, и в тот же миг камень задрожал. Из трещин, которых раньше не было, начал подниматься дым — не серый, не белый, а абсолютно чёрный, как сама бездна. Он сгущался, обретал форму, и над алтарём на мгновение возникла фигура — огромная, расплывчатая, с множеством глаз, горящих в темноте. Тьма. Та самая Тьма, которой служили ведьмы. Она явилась на зов, чтобы скрепить клятву, и в её присутствии даже Корга, старая и могучая, опустилась на одно колено.

Фигура не произнесла ни слова — она просто взидала на собравшихся, и под этим взглядом ведьмы чувствовали, как их собственная сила прирастает, напитывается чем-то древним и страшным. А потом Тьма исчезла, рассеялась, оставив после себя только запах озона и горечи. Клятва была принесена. Кровная клятва, скреплённая самой Тьмой. Теперь они не могли отступить — даже если бы захотели.

Корга поднялась с колен и обвела взглядом собравшихся. Её глаза, всё ещё горевшие багровым огнём, остановились на Море.

— Ты возглавишь преследование, — сказала она. — Возьми с собой дюжину сестёр. Иди по следу Зары, не упускай её. Загоняй, изматывай, не давай ей отдыхать. Но не вступай в открытый бой без моего приказа. Ты поняла?

Мора кивнула. Её бесцветные глаза не выражали ничего — ни согласия, ни протеста. Она просто приняла приказ к исполнению, как принимала всегда.

— Вельта, — Корга повернулась к младшей сестре. — Ты поведёшь основные силы. Мы пойдём другим путём — через перевалы, чтобы отрезать Заре путь к отступлению. Твоя сила — огонь. Используй его, если потребуется. Но помни: она нужна нам живой ровно до того момента, как мы решим иначе.

— Я помню, — ответила Вельта, и в её голосе прозвучало нетерпение. — Но когда мы её схватим, я хочу быть той, кто нанесёт последний удар.

— Это решит совет, — отрезала Корга. — А пока — готовьтесь. Выступаем на рассвете.

Ведьмы начали расходиться. Одни направились к своим временным жилищам, устроенным тут же, в овраге, другие — к кострам, чтобы готовить снадобья и оружие. Корга осталась у алтаря. Она смотрела на камень, всё ещё хранивший следы крови, и думала. Она думала о Заре. О той, что убила её Мать. О той, что осмелилась бросить вызов всему ковену. Она не испытывала страха — только холодную, расчётливую ненависть, которая копилась в ней все эти дни. И ещё — любопытство. Ей хотелось увидеть эту девушку. Хотелось заглянуть ей в глаза перед тем, как та умрёт.

— Ты сомневаешься? — раздался голос за спиной.

Корга не обернулась. Она знала, кто это. Мора вернулась — беззвучно, как всегда.

— Я не сомневаюсь, — ответила Корга. — Я жду.

— Чего?

— Знака. Тьма дала нам силу, но она не дала нам знака. Мы идём в горы, Мора. В Зубчатые горы. Ты знаешь, что это за место?

— Знаю, — Мора подошла ближе. — Там обитают древние духи. Они не подчиняются ни нам, ни шаманам. Они просто есть. И они не любят, когда нарушают их покой.

— Именно. — Корга наконец повернулась к сестре. — Мы должны быть осторожны. Я не хочу, чтобы наша охота обернулась против нас. Ты пойдёшь первой, но не лезь на рожон.

Выслеживай, наблюдай, докладывай. Я хочу знать каждый её шаг. Когда придёт время, мы ударим все вместе. И тогда она не уйдёт.

Мора снова кивнула. Её лицо, освещённое угасающими факелами, было неподвижным, как маска. Но Корга знала: за этой маской скрывается острый ум и безжалостная воля. Мора не подведёт.

— Иди, — сказала Корга. — Отдыхай. Завтра у тебя будет долгий путь.

Мора растворилась в темноте. Корга осталась одна у алтаря. Она стояла, глядя в чёрное небо, и думала о том, что война только начинается. Зара сильна — это правда. Но сила не всегда решает. Иногда решает терпение. А терпения Корге было не занимать. Она ждала много лет, пока Мать Ведьм правила ковром. Она подождёт ещё немного. И когда придёт час, дочь Гласа заплатит за всё сполна. Кровь за кровь. Смерть за смерть.

Глава 7

Зара покинула пещеру до восхода. Плечо, обожжённое магией ведьмы, всё ещё ныло, но травы сделали своё дело: краснота спала, волдыри подсохли, и рука двигалась свободно. Она сменила повязку, накинула плащ и вышла наружу, в холодный предрассветный сумрак.

Горы встретили её тишиной — той особенной, звенящей тишиной, какая бывает только на большой высоте, когда даже ветер замирает, а воздух становится таким прозрачным, что каждый звук слышен за много вёрст. Зара постояла немного, привыкая к этой тишине, потом подняла посох и двинулась в путь. Она помнила указания горного духа: идти вдоль ручья, найти расколотую сосну, повернуть на север. Там, по его словам, начиналась старая тропа.

Ручей она отыскала быстро. Он вытекал из узкого ущелья, прыгая по камням, и его вода была ледяной, прозрачной, пахнувшей талым снегом. Зара напилась, наполнила флягу и пошла вверх по течению. Идти было трудно: берега ручья были усыпаны скользкими валунами, и ей приходилось то и дело перепрыгивать с камня на камень, рискуя подвернуть ногу. Но она не сбавляла темпа. Где-то позади, в нескольких днях пути, шли ведьмы. И каждая минута промедления приближала их.

Расколотую сосну она заметила ещё издалека. Старое,

мёртвое дерево стояло на развилке — его ствол, расщеплённый надвое, напоминал рогатку, а ветви, давно лишённые хвои, тянулись к небу, как костлявые пальцы. У подножия сосны лежал небольшой каменный курган — явно рукотворный, сложенный много веков назад. Зара остановилась, разглядывая его. На камнях были вырезаны символы — не те, что она видела в книгах Ярко, а иные, угловатые, грубые, похожие на следы когтей. Она не знала, что они означают, но чувствовала: это место было священным для тех, кто жил здесь в древности.

От сосны она повернула на север. Здесь начиналась тропа — старая, едва заметная, заросшая жёсткой травой и кустарником. Но она была. И она вела вверх, в самое сердце гор.

Весь день Зара поднималась. Тропа то исчезала под осыпями, то появлялась снова, петляя между скал. Воздух становился всё холоднее, и вскоре ей начали попадаться первые пятна снега — сперва в тенистых расщелинах, потом повсюду. К вечеру она уже шла по сплошному снежному насту, хрустевшему под ногами. Деревья здесь не росли — только редкие, искорёженные ветром кустарники, прижимавшиеся к земле, да серый лишайник на камнях.

Она заночевала в небольшой расщелине, укрывшись от ветра. Костёр развести не удалось — дров не было, а карликовые кустарники горели плохо и давали больше дыма, чем тепла. Зара съела кусок сушёного мяса, завернулась в плащ и прижалась спиной к холодному камню. Спать было неудоб-

но, но она так устала, что забылась тяжёлым сном без сновидений.

На рассвете она проснулась от странного ощущения. Кто-то смотрел на неё. Она открыла глаза и увидела, что у входа в расщелину, на фоне серого неба, стоит ещё один горный дух — не тот, с которым она говорила в первую ночь, а другой, постарше. Он был выше и массивнее, его тело напоминало обломок скалы, а глаза горели тусклым, красноватым светом. В отличие от первого духа, этот не выглядел дружелюбным.

— Ты идёшь по старой тропе, — произнёс он, и его голос был похож на скрежет камней. — Это тропа мёртвых. Когда-то по ней проходили те, кто уже не мог вернуться. Они шли в горы, чтобы умереть. Ты — живая. Зачем ты здесь?

— Меня зовут Зара, — ответила она, поднимаясь и сжимая посох. — Я иду, потому что за мной враги. Я не хочу умирать. Я хочу жить и защитить тех, кого люблю. Если ты не желаешь мне зла, пропусти меня.

— Я не желаю тебе зла, — сказал дух, — но я — хранитель этой тропы. Мой долг — не пропускать живых. Тропа мёртвых — для мёртвых. Живые должны искать другой путь.

— Другого пути нет, — ответила Зара. — Если я не пройду здесь, меня настигнут враги. Они убьют меня. А потом, возможно, они осквернят и эту тропу, и всё, что тебе дорого. Я не угрожаю тебе — я просто говорю правду.

Дух долго молчал. Его красноватые глаза, не мигая, смот-

рели на Зару, и она чувствовала, как он взвешивает её слова. Наконец он произнёс:

— Ты говоришь правду. Но закон есть закон. Я не могу просто пропустить тебя. Ты должна доказать, что достойна идти по тропе мёртвых. Пройди испытание — и я отступлю. Откажись — и я закрою путь.

— Какое испытание? — спросила Зара.

— Ты увидишь.

Дух взмахнул своей каменной рукой, и мир вокруг Зары изменился. Она больше не стояла в расщелине — она оказалась на узком каменном мосту, перекинутом через бездонную пропасть. Внизу, в темноте, клубился туман, и из этого тумана доносились голоса — тихие, полные боли и отчаяния. Голоса мёртвых. Тех, кто когда-то прошёл по этой тропе и не вернулся. Они звали её. Они умоляли о помощи. Они проклинали её за то, что она жива.

Зара закрыла глаза и прислушалась. Она вспомнила урок отца: «Не отвечай. Не верь. Слушай не ушами — сердцем». Она слушала, и сквозь весь этот хор она различила один голос — не враждебный, не умоляющий, а спокойный и ясный. Голос, который говорил: «Иди прямо». Она открыла глаза и пошла. Мост под ногами был узким и скользким, а порывы ветра пытались столкнуть её в пропасть, но она шла, не оглядываясь. И когда она достигла противоположного края, видение исчезло.

Она снова стояла в расщелине. Горный дух смотрел на

неё, и в его красноватых глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Ты прошла, — произнёс он. — Ты не поддавалась голодам. Ты не испугалась. Ты достойна идти по тропе мёртвых.

Он отступил в сторону, освобождая путь. Зара поклонилась — не низко, но достаточно, чтобы выразить уважение, — и зашагала дальше.

Тропа вела её всё выше. Снег здесь был глубже, и идти становилось всё труднее. Ветер, её старый друг, теперь был не союзником, а врагом: он дул в лицо, пронизывая до костей, и приносил с собой запах гари и старых трав. Запах ведьм. Они были близко. Может быть, в дне пути. Может быть, ближе.

К полудню Зара вышла на перевал. Отсюда открывался вид на долину, которую она покинула, и на бескрайние горные хребты, уходящие к горизонту. Она остановилась, чтобы перевести дыхание, и вдруг заметила внизу, на склоне, какое-то движение. Тёмные точки. Они ползли по снегу, медленно, но неуклонно. Ведьмы. Они преодолели болото, обошли ловушки и теперь поднимались по её следу.

Зара не стала ждать. Она отвернулась от перевала и зашагала дальше, в самое сердце Зубчатых гор. Тропа мёртвых вела её вперёд — туда, где камень встречался с небом.

Глава 8

Зара шла уже третий день после встречи с горным духом. Тропа мёртвых осталась позади, затерявшись среди скал и снежных наносов, и теперь она пробиралась через лабиринт ущелий, держа направление на северо-восток. Местность становилась всё более суровой: отвесные стены из серого гранита сжимались всё теснее, а снег, который прежде лежал лишь пятнами, теперь покрывал всё вокруг сплошным, слепающим покровом. Ветер, её верный спутник, не утихал ни на минуту, и его пронзительный вой эхом метался между скал, заглушая все остальные звуки.

Она шла по дну узкого ущелья, стиснутого двумя отвесными стенами, которые уходили вверх на добрую сотню футов. Здесь было темнее, чем на открытых склонах: солнце, даже если оно и поднималось над пиками, не могло пробиться в эту каменную щель. Под ногами хрустел лёд, припорошённый свежим снегом, и каждый шаг отдавался гулким эхом. Зара двигалась осторожно, внимательно глядя по сторонам. Она знала, что это место идеально подходит для засады, и не хотела оказаться в роли жертвы.

Впрочем, она и не собиралась быть жертвой.

Она остановилась у большого валуна, который частично перегораживал ущелье, и опустилась на одно колено. Плечо, обожжённое в предыдущей стычке, уже почти не болело, но

она всё ещё чувствовала слабость в левой руке. Ей нужен был отдых — хотя бы несколько часов, — но она знала: отдых будет только тогда, когда она оторвётся от преследователей настолько, чтобы они потеряли след. А для этого нужно было дать им бой. Не открытый, не на равных — бой на её условиях.

Она закрыла глаза и потянулась к Невидимым. Это требовало усилий: после битвы у Лисьего оврага её связь с духами ослабла, и Невидимые откликались не так охотно, как прежде. Но они всё же пришли. Зара почувствовала знакомое присутствие — лёгкое, как дуновение ветерка, но плотное, осязаемое. Она попросила их не о защите — о другом. О знании. О предупреждении. И Невидимые, помедлив, ответили.

Пять. Их пять. Они идут по её следу, не отставая. Две из них — те, что уже встречались с ней в лощине. Они хотят мести. Они хотят её крови.

Зара открыла глаза и выпрямилась. Значит, передовой отряд снова настиг её. Пятеро. Не так много, как могло бы быть, но достаточно, чтобы доставить неприятности. Если она примет бой здесь, в ущелье, у неё будет преимущество: узкое пространство не позволит им окружить её, а каменные стены усилят действие Невидимых. Но был и риск: если к передовому отряду подойдёт подкрепление, она окажется в ловушке. Нужно было действовать быстро.

Она огляделась, оценивая местность. Чуть дальше по

ущелью, там, где стены немного расходились, лежала гряда огромных валунов — остатки древнего обвала. Часть из них громоздилась друг на друга, образуя нечто вроде естественного бастиона. Другая часть лежала на склоне, и некоторые камни держались настолько ненадёжно, что, казалось, готовы были сорваться вниз от малейшего толчка. Зара улыбнулась краешком губ. Она знала, как использовать это.

Она поднялась на бастион и заняла позицию за самым большим валуном. Отсюда открывался отличный обзор на ущелье, а сама она была почти невидима для тех, кто шёл снизу. Потом она снова закрыла глаза и сосредоточилась. Не на магии — на том, чему учил её отец в лесах вокруг Белых Камней. На терпении. На ожидании. На умении стать незаметной, слиться с камнем, перестать быть человеком и стать частью гор.

Время потекло медленно. Ветер завывал в ущелье, поднимая облака снежной пыли. Зара сидела неподвижно, положив посох на колени, и слушала. Она слышала, как где-то внизу, у входа в ущелье, осыпаются мелкие камни — верный признак того, что кто-то идёт. Слышала приглушённые голоса — ведьмы переговаривались между собой на своём древнем, шипящем языке. Слышала, как хрустит снег под их сапогами. Они приближались.

Первая ведьма показалась из-за поворота примерно через полчаса. Она шла осторожно, держа перед собой короткий посох, и её глаза, горящие тусклым, зеленоватым светом, об-

шаривали каждый выступ, каждую тень. За ней, на расстоянии нескольких шагов, следовали ещё двое. Они двигались цепью, прикрывая друг друга, и Зара сразу поняла: это не те неумелые преследовательницы, что напали на неё в лощине. Эти знали, что делают. Эти были готовы к бою.

Она не стала ждать, пока они подойдут ближе. Она подняла посох, направила его на грудь камней, что держалась на склоне выше ведъм, и отдала безмолвный приказ. Невидимые, повинувшись, ударили. Камни дрогнули, заскрежетали и пришли в движение. Сперва один, потом другой, потом целая лавина щебня и валунов обрушилась вниз, прямо на головы ведъм.

Та, что шла первой, успела отскочить — она была быстра, эта ведьма. Две другие — нет. Одна из них вскрикнула и исчезла под грудой камней. Вторую задело по ноге, и она упала, хватаясь за раздробленное колено. Оставшиеся трое мгновенно развернулись, ища источник опасности, и Зара, воспользовавшись их замешательством, спрыгнула с бастиона.

Она приземлилась прямо перед той, что держала посох. Та взмахнула своим оружием, но Зара была быстрее. Отцовский посох описал короткую дугу и обрушился на запястье ведьмы с глухим, тошнотворным хрустом. Посох выпал из сломанной руки, и ведьма закричала — не от боли, а от ярости. Её левая рука взметнулась, и с пальцев сорвался чёрный, извивающийся жгут тьмы. Зара отбила его посохом, но вто-

рой жгут, пущенный другой ведьмой, ударил её в бок. Плащ задымился, и она почувствовала острую, обжигающую боль. Рана была неглубокой, но отвлекла её на долю секунды — и этой доли секунды хватило третьей ведьме, чтобы оказаться у неё за спиной.

Зара развернулась, но недостаточно быстро. Кинжал, холодный и острый, вспорол рукав её плаща и рассёк кожу на предплечье. Кровь брызнула на снег, алая, почти неестественно яркая в этом сером, бесцветном мире. Зара вскрикнула и ударила наотмашь, целя противнице в голову. Посох попал в плечо, и ведьма отлетела назад, врезавшись в каменную стену. Она сползла по ней, оставляя тёмный след, и замерла.

Двое оставшихся переглянулись. Та, что была с посохом, попыталась подняться, но сломанная рука не слушалась. Вторая — та, что пустила жгут тьмы, — колебалась. Зара видела это по её глазам. Страх. Страх боролся с ненавистью, и пока ненависть проигрывала.

— Уходи, — произнесла Зара, тяжело дыша. Кровь из раны на предплечье капала на снег, но она не опускала посох. — Уходи сейчас, и я сохраню тебе жизнь. Расскажешь своим сёстрам, что здесь случилось. Пусть знают: я не убегаю. Я жду их.

Ведьма ничего не ответила. Она смотрела на Зару несколько долгих мгновений, и в её глазах, горящих зеленоватым огнём, что-то мелькнуло — может быть, сомнение,

может быть, страх, а может быть, и уважение. Потом она повернулась и бросилась бежать — вниз по ущелью, туда, откуда они пришли. Её спутница, та, что была с покалеченной ногой, попыталась последовать за ней, но смогла лишь отползти на несколько шагов. Зара не стала её преследовать.

Она осталась стоять посреди ущелья, окружённая телами павших. Трое убитых, одна раненая, одна сбежавшая. Передовой отряд снова разгромлен. Но какой ценой? Она подняла левую руку, осмотрела рану. Кровь всё ещё текла, но не сильно: кинжал лишь рассёк кожу и мышцы, не задев сухожилий. Повезло. Она достала из котомки чистый лоскут, перевязала предплечье, затянула повязку зубами. Потом подобрала посох, который выронила во время схватки, и зашагала дальше.

Ущелье вскоре кончилось, и Зара вышла на относительно ровное плато, усеянное валунами и поросшее редким кустарником. Ветер здесь был ещё сильнее, и ей приходилось наклоняться вперёд, чтобы устоять на ногах. Она шла, не оглядываясь, и думала о том, что с каждой стычкой её силы тают, а ведьмы, напротив, становятся всё осторожнее и хитрее. Она не могла вечно полагаться на удачу и внезапность. Ей нужно было что-то ещё. Союзники. Или знание. Или то и другое.

К вечеру она добралась до небольшой котловины, защищённой от ветра скалистыми выступами. На дне котловины лежало ледниковое озеро — маленькое, но глубокое, с водой

такого чистого голубого цвета, какого Зара никогда не видела. Она подошла к воде, опустилась на колени и напилась. Вода была ледяной и удивительно вкусной. Потом она села на камень и закрыла глаза.

Боль в боку и предплечье пульсировала, но уже не так сильно. Травы, которые она приложила к ранам, делали своё дело. Она знала, что ей нужно двигаться дальше, но на несколько минут позволила себе просто сидеть и слушать тишину. Ветер здесь был тише, и его вой напоминал колыбельную. Она почти задремала, когда услышала голос.

— Ты ранена.

Зара открыла глаза и увидела перед собой ещё одного горного духа. На этот раз это была женщина — или, по крайней мере, существо, принявшее женский облик. Высокая, стройная, сотканная из льда и инея, с длинными волосами, похожими на сосульки, и глазами, сиявшими голубым светом. Она стояла у края озера, и её босые ноги не оставляли следов на снегу.

— Ты кто? — спросила Зара, не делая резких движений.

— У меня нет имени, — ответила дух. — Но люди когда-то называли нас Снежными Девами. Я — хранительница этого озера. Я чувствую кровь. Твою и чужую. Ты сражалась.

— Да, — кивнула Зара. — Враги преследуют меня. Я защищалась.

— Я знаю, — дух склонила голову. — Ветер рассказал мне. И Невидимые тоже. Ты — дочь Гласа. Ты убила Мать

Ведьм. Ты сильна. Но ты истекаешь кровью. Если ты продолжишь идти, ты ослабнешь. И тогда враги настигнут тебя.

— Что ты предлагаешь?

— Вода этого озера — не простая вода, — дух указала на голубую гладь. — Она исцеляет. Если ты войдёшь в неё, твои раны затянутся быстрее. Но цена — воспоминание. Озеро берёт плату за исцеление. Оно заберёт у тебя одно воспоминание. Какое — решит оно само.

Зара задумалась. Воспоминание. Одно из многих. Что, если озеро заберёт что-то важное? Что-то, что она не хочет терять? Лицо матери? Голос отца? Первый урок, когда она сидела у подножия старой ели и пыталась почувствовать Невидимых? Она не знала, готова ли рискнуть. Но, с другой стороны, если она не исцелится сейчас, она может не дойти до Плато Бурь. А тогда погибнут не только её воспоминания — погибнет всё.

— Я согласна, — сказала она и поднялась с камня.

Она сняла плащ, сапоги, расстегнула пояс с ножом и амулетами. Холодный воздух обжёг кожу, но она не остановилась. Она вошла в озеро — сперва по колено, потом по пояс. Вода была ледяной, но странным образом не обжигала, а успокаивала. Зара сделала ещё шаг, и дно ушло из-под ног. Она погрузилась с головой, и голубая вода сомкнулась над ней.

Время остановилось. Она висела в этой ледяной синеве, и боль уходила. Рана на боку перестала пульсировать. Порез

на предплечье затягивался на глазах, оставляя лишь тонкий розовый шрам. Она чувствовала, как озеро тянется к ней — не враждебно, а скорее с любопытством, — и что-то внутри неё откликается. Что-то, что она не могла контролировать. А потом она вспомнила. Запах. Запах сушёных трав, которыми пахло в избе матери. Тепло печи. Голос отца, читающего ей сказку на ночь. Ей было пять лет. Она сидела у него на коленях и слушала, затаив дыхание. Сказка была о духах леса, которые помогают заблудившимся путникам. И она, маленькая Зара, верила, что когда-нибудь тоже будет помогать людям. Как духи. Как отец. Как мать.

Воспоминание исчезло. Озеро взяло свою плату, и Зара вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух. Она выбралась на берег, дрожа от холода, и быстро натянула одежду. Раны больше не болели. Она чувствовала себя отдохнувшей, почти обновлённой. Но внутри что-то изменилось. Она помнила, что потеряла что-то, но не могла вспомнить, что именно. Только смутное чувство пустоты там, где раньше было тепло.

— Что ты забрало? — спросила она у духа.

— Ты не узнаешь, — ответила Снежная Дева. — Такова плата. Но то, что ты потеряла, не было жизненно важным. Озеро справедливо. Оно берёт ровно столько, сколько даёт. Ты исцелилась. Этого достаточно.

Зара хотела возразить, но передумала. Она знала, что дух прав.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.